

Сурские Зори

Мое родовое село Кадышево расположено в живописнейшем уголке России, на границе Ульяновской области с Мордовией. Такой красивой местности во всех Европах и Америках не сыщешь! Кадышево привольно распростерлось почти на семь километров вдоль писаной красавицы Суры – младшей сестренки Волги. С востока его окаймляют непрерывной грядой белшапковые холмы, а с запада – раскинувшийся за сурскими лугами сосновый бор. Но главное, что, видимо, притянуло основателей села, – это река Сура. Любый человек, впервые увидевший Суру, на всю жизнь остается ею очарован. Побывав во многих уголках нашего Отечества, я так и не встретил такой ласковой и приветливой реки. Многие столетия она являлась для жителей животворящей, питавшей их не только водой, но и луговой травой, рыбой, всякими съедобными растениями, ягодами, талами, камышом...

Сура – речка хоть и не многоводная, но истари славила обилием необыкновенной по вкусу рыбы – стерляди, судака, жереха, плотицы, окуня, щуки, язя, леща, сома, пескаря... Особенно прославила Суру не только окрест, но и по всей земле российской стерлядь. Еще в 50-е и 60-е годы нынешнего суматошно-индустриального века стерляди в Суре было изобилие. Водилась она в чистой, профильтрованной песком воде, под крутыми ярами. Ловили стерлядь взрослые и дети на крючок, бреднем и сетью. Ловили много, а запасы ее не только не скудели, а наоборот, год от года росли. Теперь почти не стало стерляди в Суре. Не стало и другой рыбы. Химизация и мелиорация за считанные годы уничтожили то, что природа создавала веками.

Я не знаю, можно ли найти где в мире такие заливные луга! Тому, кто хоть раз на них побывал, это чудо среднерусской природы будет снится всю жизнь. Он всегда будет видеть перед глазами волшебный пахучий зеленый ковер, сотканный изящно, нежно и просто.

К сожалению, начиная с 50-х годов неразумное вмешательство человека искорежило их девственный облик. Как только не издевались над ними! Как только не уродовали! Пьяные трактористы, бульдозеристы все подряд мяли, крушили, рыли канавы и спускали с озер воду в Суру, уничтожали кусты ежевики, смородины, шиповника...

С великой надеждой думаю, что мой четырехлетний внук Андрюша, когда достигнет зрелого возраста, эту вакханалию уже не застанет, она останется лишь в этих моих записях, а местные жители, как и их предки, будут

снова вдыхать целительный воздух заливных лугов, настоящий на тысячах трав, и пользоваться луговыми щедротами.

В окрестностях многокилометрового Присурья сформировался особый тип русского человека – красивого, сердечного, доброжелательного, милосердного, физически крепкого, духовно раздольного и очень доверчивого. На Суре мерзавцы и прохиндеи не родились!

Сурские луга испокон веков кормили человека. Не подсчитать, сколько всяких животных столетиями питались травой и сеном с сурских лугов. Физическую мощь человеку давали добытые здесь снадобья из ягод и трав.

Не забуду свое послевоенное полуголодное детство.

Весной, как только сходилась с лугов полая вода, народ охапками тащил с них дикий лук, а позже – дягили и борщевки. Какие пироги были с диким луком! Летом каждый день зобнями и кошелями несли с лугов шипы, смородину и ежевику, боярки, черемуху, клубнику. А мы, дети, в сурских ярах высучали сотнями стрижиные яйца и мед земляных пчел.

А какое обилие здесь озер! Напротив Кадышева, за Сурой спокойно устроились голубоглазые Промзюк, Глубокое, Большая Рассохвица, Малая Рассохвица, Кимсайдак, Притворное, Старая Сура... Мужик лето и зиму носил и носил с озер сома, щуку, красного карася, леща, жереха, сазана... Иногда под вечер на тихой глади озера такие рыбы игры устраивались! Все озеро начинало плескаться под стройный лягушачий оркестр. Для меня так и осталось тайной: почему это лягушки так старались угодить озерным рыбам? Неужто природа так распределила обязанности: одни резвятся, а другие им музыку играют?

О сурских озерах много всяких легенд среди кадышевского народа ходило. Одна из них утверждала, будто в Глубоком жил сом весом в десятки пудов. Время от времени он так начинал резвиться, что огромное озеро аж стонало. Идущие мимо озера на базар в Промзино его побаивались. Помню себя мальчишкой, с опаской пробежавшим мимо Глубокого. Такое уж тогда было время – верили в разных оборотней, леших, чудищ с хвостами и без хвостов... А меня еще всякими небылицами щедро подпитывала бабушка Анисья Архиповна. Вот была богатая на воображение натура! Лежа на теплой русской печке, она могла сутками, не повторяясь, рассказывать всякие истории. Каких только диковинных библейских птиц я с бабушкиной печки не видел! Зве-

рей она вообще очеловечивала. До сих пор мне кажется, что волки, птицы, зайцы, собаки, шуки умеют говорить на человеческом языке.

Вдоль сурской поймы раскинулся сосновый бор. В детстве я немало побродил по его глухим дебрям. Под ним, внизу, луговые черни. Чернь соединяет в единое целое реку, луга и бор. Чего только в этих чернях нет! Но поднимемся по песчаной тропинке. Сосны, сосны, сосны... Под ногами у вас похрустывает мох, усеянный сосновыми шишками, да цепляется брусничник... Вокруг видимо-невидимо маслят, часто попадаетеся и белый гриб-боровик. Любил да и сейчас люблю ходить в одиночку по бору. Много чего он может рассказать, многие тайны доверить, многими дарами оделить.

Великим знатоком бора и его поклонником был мой отец — Василий Иванович. За свою большую жизнь он исколесил бор вдоль и поперек тысячи раз. В бору он заготавливал мох для постройки дома, а в половодье на долбленной лодке мы с отцом возили выкорчеванные нами пеньки на дрова. Не один центнер белых грибов, свинок, рыжиков, маслят многие кадышевские семьи почти ежегодно собирали в бору.

С правой стороны Суры, где стоит Кадышево, растянулись белобокые и белошапковые холмы, или, как их называют кадышевские мужики, — горы. Им дали названия: Свальная гора, Жукова Лачужка, Баркова гора, Плечиста гора, Елховы горы, Часовенская гора, Жучкина гора, Долга гора, Караульна гора, Сурки, Каюкова гора, Абал, Попиха...

Этим летом я вновь побывал на своей малой родине и уже не увидел столетнего тополя, который своими могучими корнями сдерживал сползание на усадьбы крестьян глиняной горы и оберегал их огороды от суховея с востока. Спильный безжалостной рукой, тополь лежал передо мной в зарослях Заманихи...

Немногие потомки старинных крестьянских фамилий остались на родимой кадышевской земле, какая-то сатанинская сила в этом суматошном, всклоченном мире все растаскивала и растаскивала их по необъятному пространству нашей страны. Многие фамилии оборвались. При виде десятков могил, за которыми никто не ухаживает и на которых никто земной поклон не шлет, сердце кровью обливается, душа бьется в тревоге. «Ведь это все были люди!» — как говорил, вспоминая ушедших в загробный мир своих односельчан, мой стареющий отец.

...Очень жаль, что историки языка так, видимо, и

оставят в стороне русский кадышевский диалект. А сколько филологи могли бы записать в Кадышеве песен, прибауток, частушек, присказок и, наконец, слов! Я завел тетрадь, где начал со слов матери — Анны Михайловны — записывать кадышевские были-небылицы. Сколько поэзии, например, в напевах, которые запомнила мама от своей бабушки Арины Матвеевны!

Однажды напела мне мама и такой шедевр кадышевского устного народного творчества:

Сладка яблонька сахаренька,

Отрасли вити до сыраю земли.

Привились кудри к белому лицу.

Яво личко — точно беленькай снежок,

Яво щочки — как в саду розовый цвѣток.

Эту песню, сказала мне мама, пели девки в старое время на девичнике.

Многое, очень многое так и остается невозвратно потеряно. Золотые крупинки народной мудрости и поэзии, рассеянные по таким селам, как мое Кадышево, никто не собирал, и они навсегда исчезали в пропасти времени.

В Кадышеве когда-то кипела жизнь на улицах и в переулках. В конце 30-х годов отец работал в колхозе бригадиром. Он мне и рассказал, что в ту пору на полевые работы только с улицы Чекеревки выходило ежедневно более семидесяти человек. Сейчас же здесь заброшенный пустырь, на котором в нескольких домиках доживают свой век старики. А я хорошо помню: в начале пятидесятих годов летними вечерами мимо нашего дома из Чекеревки шли ватагами парни и девушки, заливаясь смехом под незатейливые мелодии гармошек и шутки доморощенных остряков-затейников.

Мы как-то с мамой вспоминали многочисленные кадышевские родники: Елин родник в Чекеревке, родник на Новой линии в Абале, Средний родник в Мазарочном овраге, Сачин родник по Щелканской дороге в лес Чигириху, Часовенский родник на Пузихе, Бездонный и Нижний родники под Лысыми горами, Кузин родник на Сомовой, Редькин колодец на Сечах, родник на Жуковой Лачужке...

Жители Кадышева в былые времена старательно оберегали родники. Наступило новое время — и родникам досталось: их мяли, топтали, заваливали, замусоривали, как и всю землю русскую. Люди стали забывать к ним дорогу, как и всю историю своего рода, племени, села, Отечества своего...

Николай Нарышкин

